

Шевелин Павел Павлович

аспирант кафедры международных
политических процессов
Санкт-Петербургского государственного университета

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗЛОЖЕНИЯ ШИИТСКОЙ ОБЩИНЫ ЛИВАНА

Аннотация:

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем ливанской шиитской общины – раскол начала 1980-х гг. на проирански настроенное движение «Хезболла» и умеренно националистическое – «Амаль». Оцениваются текущее политическое состояние шиитской общины, ее участие во внутривнутриполитических конфликтах. Анализируется степень влияния гражданской войны на ливанское общество, дана оценка ситуации в сфере межнациональных отношений. Исследованы взаимоотношения с внешними политическими силами, а также степень и способы их воздействия на шиитскую общину Ливана.

Ключевые слова:

межконфессиональный конфликт, поликонфессиональная система, экспорт исламской революции, политическая идентичность, «Исламская Республика Ливан», межобщинные и межрелигиозные отношения, «Хезболла», «Амаль».

Shevelin Pavel Pavlovich

PhD student,
International Political Processes Department,
Saint Petersburg State University

GEOPOLITICAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF POLITICAL DECAY OF THE SHIITE COMMUNITY IN LEBANON

Summary:

The article deals with the split of the Shiite community of Lebanon into Hezbollah (associated with Iran) and Amal (moderate nationalistic movement), that took place in early 1980-s. The author considers the current political situation in the Shiite community, as well as its participation in the domestic political conflicts. The paper analyses the influence of the civil war on the Lebanon community. The situation in the sphere of international relations is assessed. The author studies relations with the external political forces, as well as the extent and methods of their influence on the Shiite community of Lebanon.

Keywords:

inter-confessional conflict, multi-confessional system, export of Islamic revolution, political identity, Islamic Republic of Lebanon, inter-confessional and inter-religious relations, Hezbollah, Amal.

С начала 1970-х гг. позиция шиитов относительно палестинского вопроса значительным образом обуславливала общественное восприятие ливанских шиитских общин на политической карте. В этом смысле в палестинской проблеме существовали два фактора, которые тем или иным образом инкорпорировались в ливанский политический дискурс: присутствие в стране беженцев и существование лагерей, с одной стороны, и их война с Израилем на юге Ливана – с другой. Ко времени победы иранской революции 1979 г. на транснациональном шиитском пространстве при участии духовенства уже сформировалась генеральная линия поддержки этих двух факторов.

Другими словами, к 1982 г. некоторые ливанские шииты создали концепт, наложенный на дореволюционную транснациональную шиитскую полемику, однако сделав поправку на реалии 1980-х гг. Соответственно, большинство людей, не сведущих в религиозных догмах, не совсем четко представлявших себе, что такое шиизм, не выражали достаточной поддержки палестинским беженцам, не слишком рьяно старались освободить оккупированные сионистами территории юга Ливана, а также не были готовы жертвовать собой. Деятельность представителей постреволюционного иранского правительства разделила ливанскую шиитскую политическую линию на две партии и старалась превратить понятие ливанского национализма в нечто, ассоциируемое с шиитской аутентичностью, чтобы получить современный политический продукт, имеющий четкий бэкграунд шиитской традиции [1].

Создание партии «Хезболла» было обусловлено не столько попыткой экспорта исламской революции, сколько стремлением иранской политической элиты интегрироваться в ливанскую политическую жизнь и компенсировать свой провал конца 1970-х гг. – сформировать однопартийность на базе «Амаль» в рамках шиитской политической элиты Ливана.

Шииты были заинтересованы в участии и непосредственном влиянии на политическую жизнь Ливана ввиду того, что они довольно продолжительное время считались политическим атавизмом, что не подходило для гражданства в полном смысле этого слова. Этот аспект национального контекста и политической идентичности занимал ключевое положение в формировании нового шиитского дискурса как в рамках Ливана, так и на транснациональном пространстве.

Прежде чем рассматривать взаимоотношения Ирана с политическими образованиями Ливана, главным образом с партией «Амаль», следует сделать небольшую ремарку о протекании

экспорта исламской революции. Идеологии и политические модели редко пропагандируются как непосредственная индоктринация или политическая имитация. Попытки создания «Исламской Республики Ливан» изначально предпринимались посредством маргинальных шиитских образований и тех частей партии «Амаль», которые не были полностью удовлетворены умеренно-националистическим курсом Садра, определяя свою идентичность прежде всего как мусульман-шиитов.

Контактируя напрямую с подобными элементами политической системы Ливана, иранское правительство обрекало себя на риск усложнить международные отношения с Ливаном на меж-национальном уровне. Из-за этого приходилось прибегать к альтернативным способам лоббирования интересов и постепенного насаждения «нужного» вектора развития и «правильного» политического климата. Такими инструментами являлись организация ширазистов [2] (в некоторых источниках она называется сектой) и иракская партия «Да'ва» [3]. Активисты этих двух объединений изначально занимались деятельностью, более напоминающей работу христианских миссионеров. Они налаживали связи с местным духовенством из числа недовольных курсом «Амаль», через которых внедрение идеи экспорта революции заметно упрощалось и она пускала корни в ливанской шиитской среде. Другими словами, за распространением любой политической идеи в отдельно взятом регионе всегда стоит развитая сеть взаимоотношений среди пассионарных индивидов. Подобная модель приносит больший эффект, если она использует уже существующие, сложившиеся исторически взаимоотношения.

Исламская революция здесь не исключение. Ее распространение закономерно началось через шиитскую богословскую среду, имевшую давние связи с богословами Кума и проирански настроенного Наджафа в Ираке, многие из которых имели непосредственную связь с ширазистами или партией «Да'ва». Тема влияния неправительственных проиранских организаций и партий на Ливан и их попытки «посадить ростки» исламской республики в ливанских шиитских общинах, которые впоследствии привели к образованию «Хезболлы», заслуживают отдельной статьи. В данном случае имеет смысл более подробно остановиться на отношениях Ирана с уже существовавшей «Амаль», предпосылках и непосредственном разделении шиитов Ливана в период разгара гражданской войны.

Взаимоотношения между «Амаль» и Ираном между 1979 и 1982 г. представляли собой мозаичную и противоречивую структуру. Само иранское правительство на тот период не обладало единым мнением: одна часть всячески стремилась содействовать «Амаль», другая, напротив, ненавидела основного вдохновителя и идеолога партии – Мусу ас-Садра. Члены Движения за свободный Иран (ДСИ) и «Амаль» поддерживали тесные связи и до исламской революции в Иране, и после нее. Перед тем как потерять власть в 1982 г., участники ДСИ занимали ключевые посты в новом иранском правительстве. Межди Базарган стал премьер-министром в 1979 г., Чамран – министром обороны, Кутбзаде – главой национального радио- и телевидения.

Члены «Амаль» разными способами проявляли заинтересованность в налаживании и поддержании взаимоотношений с новым правительством Ирана. Они приглашали иранских экспертов в шиитские регионы Ливана, чтобы оценить степень разрушений в результате израильского вторжения. Кроме того, участники «Амаль» традиционно выражали соболезнования по поводу кончины иранских лидеров, которых, например Чамрана, они считали и своим лидером. Ежегодно устраивались траурные поминальные мероприятия 75 членов иранского парламента, погибших в результате взрыва 28 июля 1981 г.

Практически все полосы еженедельной партийной газеты «Амаль» того времени освещали иранские события. Это же издание с началом Ирано-иракской войны направило открытое письмо о солидарности с иранским народом, несмотря на арабскую идентичность ливанцев. Даже те члены руководства партии «Амаль», которые не считали Иран полноправным союзником, изменили мнение после убийства режимом Саддама Хусейна 8 апреля 1980 г. сеида Мухаммада Бакыра Садра и его сестры. Фактически порядка 600 вооруженных членов «Амаль» выступили в качестве добровольцев на стороне Ирана.

Как бы то ни было, главным вопросом реализации политической идентичности был поиск исчезнувшего вдохновителя и основателя партии «Амаль» Мусы ас-Садра, или Имама Мусы. В августе 1978 г. он должен был принять участие в праздновании годовщины пришествия к власти Муаммара Каддафи и образования Ливийской Джамахирии. Но Имам Муса не появился на церемонии, вследствие чего начали распространяться слухи, что он улетел в Италию. Ливийские власти подтвердили версию о том, что он покинул страну. Но ни со стороны итальянского правительства, ни со стороны авиакомпаний подтверждений о его вылете из Ливии или прилете в Рим не поступало. О его судьбе с тех пор ничего не известно.

После исчезновения Мусы ас-Садра партия была втянута в серьезные внешне- и внутривнутриполитические распри, фактически в войну. После введения сирийской и израильской армий на территорию Ливана влияние «Амаль» сильно возросло. На волне растущей поддержки всего шиитского населения организация сильно упрочила позиции на юге, потеснив палестинских фидаинов.

Несмотря на близкие связи «Амаль» с иранским правительством, три ключевых фактора (недостаточное содействие Ирана в поиске ас-Садра, вопрос о присутствии иранских добровольцев на юге Ливана и нежелание становиться полностью контролируемым Тегераном инструментом экспорта иранской исламской революции) заставляли задуматься о том, как эти взаимоотношения будут и должны складываться в будущем. Вплоть до 1982 г. сотрудничество с Ираном сохранялось в прежнем объеме. Но основной целью этих контактов со стороны партии «Амаль» была попытка пролить свет на судьбу своего исчезнувшего лидера. Многочисленные делегации в Тегеран, встречи и прочие попытки найти общий язык с иранским истеблишментом, включая аятоллу Хомейни, не приносили желаемых результатов [4]. Каждая попытка получить информацию через иранские каналы оказывалась провальной. А недостаток какой бы то ни было серьезной инициативы со стороны иранских религиозных и политических верхов в деле поиска Садра, которого члены «Амаль» считали одной из наиболее значимых фигур шиитского мира, заставлял задуматься о постреволюционных претензиях Тегерана на самопозиционирование в качестве лидера панисламской революции в широком смысле и паншиитской – в узком.

Другим не менее важным аспектом взаимоотношений между Ираном и партией «Амаль» являлся вопрос размещения частей Корпуса стражей исламской революции (КСИР) на юге Ливана в целях организации сопротивления израильскому вторжению. Подобные дискуссии начались уже с января – февраля 1980 г., всего через несколько месяцев после провозглашения исламской республики в Иране. Несмотря на израильское вторжение, напряженные отношения с Сирией, Хусейн аль-Хусейни, возглавлявший «Амаль», а затем и Набих Берри, сменивший его на этом посту, приняли решение отказаться от предложенной Ираном помощи. Отказ партии принять добровольцев и ее сопротивление идеологии «Велайят-э-факих» лишь добавили накала в непростые отношения с последователями Хомейни, которые, придя к власти, ждали удобного момента ответить.

В контексте подозрений ливанских христиан об экспорте исламской революции через ливанских шиитов руководство «Амаль» инициировало полемику, неоднократно позиционируя партию прежде всего как национальную, а затем как религиозную. Относительно размещения Корпуса стражей исламской революции на территории юга страны Хусейни выступил с недвусмысленным заявлением, обозначив тем самым взаимоотношения между «Амаль» и постреволюционным Ираном: «Мы <"Амаль"> можем относиться к исламской революции с двух точек зрения. Первая – это наша общая шиитская религиозная идентичность. Мы поддерживаем исламскую революцию в том смысле, что в отличие от шахского режима новое правительство порвало отношения с Израилем, выступает с резкой критикой оккупации арабских территорий и высказывается о планах освобождения Палестины. С национальной точки зрения Иран с его планами освобождения Иерусалима мог бы способствовать нашему национальному интересу – освобождению оккупированного юга Ливана. Но, несмотря на эти два фактора, наш патриотизм и национальное самосознание являются прерогативой. Что касается размещения частей КСИР на нашей территории, то эта идея принадлежит Мухаммаду Монтазери [5], который в данный момент не находится в мейнстриме современного иранского политического курса. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Ирана и не хотим, чтобы Иран вмешивался в наши» [6].

Разумеется, подобные настроения и заявления не прошли для «Амаль» бесследно. Некоторые члены партии, в том числе ее руководство, не были полностью согласны с генеральной линией, выдвинутой Хусейни, а затем подхваченной Берри. В конечном счете это привело к разделению партии на две части в 1982 г.

Причины раскола партии, а фактически ливанской шиитской общины, уходят корнями куда глубже, чем отношение к вопросу размещения частей КСИРа или даже выяснению подробностей судьбы Садра. Истоки этого лежат, пожалуй, в реформировании портрета шиитской идентичности. Необходимость создания нового шиитского образа мышления в Ливане возникла еще в 1960-е гг., в период создания общины как таковой и усиления ее в качестве структуры, обладающей политическим потенциалом. Схожие, однако более широкомасштабные, процессы происходили и в дореволюционном Иране в целях свержения шахского режима и подготовки почвы для реализации программы Хомейни «Велайят-э-факих». Не останавливаясь подробно на истории возникновения новой идентичности, нужно понимать, что конкретно подразумевалось под данной дефиницией.

Отличным примером может служить интервью сеида Мухаммада Хусейна Фадляллы в рамках Недели исламского единства в Тегеране в 1982 г.: «До провозглашения исламской революции в Иране воин, интеллигент и набожный человек были тремя разными людьми, но, когда я приехал в Иран, я увидел новое поколение мусульман, которое отражает и заключает в себе “тот ислам”, о котором мы думаем. Сейчас иранский мусульманин обладает набожностью, желанием борьбы, религиозностью, в некотором смысле аскетичностью, политической активностью и эрудицией, соединенными в одном человеке. Я увидел иранскую молодежь, особенно членов

КСИРа, политически небезучастную, обладающую религиозным сознанием и заботящуюся о своем социальном благополучии» [7].

Фадлялла утверждал, что создание новой шиитской идентичности должно сопровождаться низвержением старой, поддерживаемой Садром и «Амаль». Практически во всех его выступлениях и статьях, начиная с ранних в 1980-х гг., утверждается роль исламской революции как средства подталкивания и стимулирования развития исламского социума и применения фикха во всех сферах общественной жизни.

Подобно Фадлялле, о необходимости использования иранского опыта в Ливане высказывался Аббас Мусауи, ставший впоследствии генеральным секретарем «Хезболлы». Особенный упор в заявлениях он делал на отсутствие духовного лидера, что, по его мнению, являлось главной проблемой при кооперации шиитов на юге Ливана с палестинцами в борьбе против общего врага.

Заявления, поступавшие с иранской стороны, коррелировали с политикой Аббаса Мусауи и Фадляллы. Департамент исламской пропаганды ИРИ также обрушивался с критикой на «Амаль», обвиняя лично Садра в том, что его попытки взять под контроль шиитские политические силы Ливана обусловлены главным образом личностными амбициями и желанием заполучить максимальное количество мест в ливанском парламенте. Садр, по некоторым источникам, планировал взять все сколько-нибудь значимые шиитские объединения под эгиду «Амаль», ассимилировать их и направить их деятельность в «нужное» русло.

Результатом фактического раскола шиитов Ливана на два политических лагеря стало появление второй партии – «Хезболлы», состоящей на тот момент из прогрессивных молодых шиитов, не согласных с курсом Садра и «Амаль». При мощной поддержке со стороны ИРИ к 1982 г. был создан проект образования истинной аутентичной шиитской организации, тесно связанной с международным шиитским истеблишментом.

Помимо маргинальных шиитских образований и течений недовольство выбранным Садром курсом росло и среди многих членов «Амаль», в результате чего партия раскололась. Одно крыло при этом как раз и создало «Хезболлу». Итогом этого стала почти полная потеря оставшейся частью «Амаль» иранской поддержки – как финансовой, так и политической. «Хезболла», находясь в полной идеологической и экономической зависимости от ИРИ, быстро стала полноправным конкурентом Набиху Берри (занявшему пост Садра после его исчезновения) в борьбе за власть, ресурсы и электорат на политической арене Ливана [8].

Для членов «Амаль» главной иллюстрацией необратимости вмешательства Ирана во внутренние дела Ливанской Республики стало противостояние между ними и «Хезболлой». Оно достигло апогея в 1988–1990-х гг. и стоило жизни по меньшей мере 3 000 ливанских шиитов. Но смерть Хомейни и подписание Таифских соглашений [9] открыли для них новые возможности и страницу отношений с ИРИ.

Во время президентства Рафсанджани в 1996 г. делегация «Амаль» впервые прибыла в Иран. В том же году Мухаммад Хатами, занимавший на тот момент пост министра культуры, посетил Ливан с ответным визитом, где читал лекции на тему демократии и гражданского общества. Члены «Амаль» часто подмечали, насколько его взгляды были схожи с точкой зрения Садра. Позиционирование «Амаль» как шиитской партии, предпочитавшей видеть Ливан поликонфессиональным и ратующей за сосуществование и несогласие с «Хезболлой» и ее покровителями, желавшими создать «Исламскую Республику Ливан» (что погубило бы страну, едва оправившуюся после продолжительной гражданской войны), заметно способствовало сближению с Хатами. Ставка себя оправдала, в 1997 г. он был избран президентом ИРИ [10].

Эта новая веха восстановления отношений между «Амаль» и иранским правительством ознаменовалась рядом неофициальных визитов главы администрации президента ИРИ сеида Мухаммада Али Абтахи, с одной стороны, и высокопоставленного члена партии «Амаль», занимавшего пост министра СМИ Ливана, Мухаммада Убайды – с другой. Личная дружба Абтахи с некоторыми руководителями «Амаль» и более официальные переговоры к 2001 г. позволили партии возобновить деятельность офиса в Тегеране, работа которого началась с поминальных мероприятий в честь исчезнувшего Мусы Садра. Это был первый раз после провозглашения Исламской Республики Иран, когда партия «Амаль» получила от официального Тегерана разрешение на подобные действия, – ранее данной темы тщательно стремились избегать. В качестве еще одного доброго жеста в рамках примирения Иран включил сотрудничество с «Амаль» в ряд своих образовательных программ и начал выделять средства для строительства школ на подконтрольных партии территориях на юге Ливана.

В мае 2003 г. во время трехдневного визита Мухаммад Хатами расставил все на свои места: «Наша поддержка – это поддержка всего Ливана, а не какой-то отдельно взятой группы или партии» [11]. Данная риторика отражает взгляд иранских реформистов на ограничение влияния

на внутренние дела Ливана в целом и на шиитов в частности. Однако особых отношений, сложившихся между иранскими властями и ливанскими шиитами, никто не отменял, а сближение с «Амаль» не означает отдаление от «Хезболлы».

Ссылки и примечания:

1. Norton A.R. *Amal and the Shi'a: Struggle for the Soul of Lebanon*. Austin, 1987.
2. Группы сторонников и активистов, разделяющих идеи сеида Мухаммада Ширази (одного из крупнейших шиитских богословов современности). Находились на службе исламской революции.
3. Образована в конце 1950-х гг. Основная цель – борьба со светской формой правления и баасистским режимом. В 1970-х гг. ее участники развернули вооруженную антиправительственную борьбу, поддержали исламскую революцию в Иране и сформировали вооруженное крыло «шахиды ас-Садра» (имеется в виду Мухаммад Бакыр Садр).
4. Страницы еженедельной газеты «Амаль» в период с 1980 по 1982 г. изобилуют описаниями визитов членов партии Мухаммада Махди Шамсетдина и Р. Садра в Иран в целях выяснения судьбы Имама Мусы. Такие примеры можно найти в выпусках от 18 янв. 1980 г., 15 февр. 1980 г., 23 мая 1980 г. и т. д. Более того, лидеры «Амаль» направляли телеграммы Абольшасану Банисадру и аятолле Хомейни с просьбой выслать группу экспертов в Ливию для установления обстоятельств исчезновения и дальнейшей судьбы Мусы ас-Садра.
5. Аббас Мухаммад Монтазери – один из основателей КСИРа, депутат меджлиса.
6. Амаль. 1980. 4 апр.
7. Оmid-e Энкелаб. 1982. 3 июля.
8. Norton A.R. *Hezbollah*. Princeton, 2007 ; Pakradouni K. *La Paix Manquee*. Beirut, 1983.
9. В Таифе (Саудовская Аравия) 22 октября 1989 г. были подписаны соглашения, с одной стороны положившие конец гражданской войне в Ливане, с другой – фактически превратившие его в сирийский протекторат. Участниками переговоров были оставшиеся в живых члены ливанского парламента (после выборов 1972 г.), представители Сирии. Посредником выступила Саудовская Аравия. В соответствии с текстом соглашений любые вооруженные формирования должны были быть расформированы, а их оружие – сдано ливанской армии в течение 6 мес. с момента подписания документов. «Хезболла» и группировки палестинцев игнорировали этот пункт. Элиас Храуи 24 ноября 1989 г. был избран новым президентом, де-факто не обладавшим властью и подчиненным Сирии. Храуи с одобрения Дамаска назначил просирийское правительство, что по сути создало предпосылки для полного уничтожения любых антисирийских коалиций и последующего поглощения Ливана Сирией.
10. Salibi K. *A house of many mansions*. Berkley, 2003 ; Idem. *Crossroads to civil war. Lebanon 1958–1976*. N. Y., 2005.
11. Daily Star. 2003. 14 May.

References:

Amal 1980, 4 April.
Daily Star 2003, 14 May.
Norton, AR 1987, *Amal and the Shi'a: Struggle for the Soul of Lebanon*, Austin.
Norton, AR 2007, *Hezbollah*, Princeton.
Omid-e Enkelab 1982, 3 July.
Pakradouni, K 1983, *La Paix Manquee*, Beirut.
Salibi, K 2003, *A house of many mansions*, Berkley.
Salibi, K 2005, *Crossroads to civil war. Lebanon 1958-1976*, N. Y.